

Помощник так и замер с перекошенным от злости лицом — похоже, ему еще никогда не попадались люди вроде Чжун Ина, способные одной фразой загнать в абсолютный тупик. Он свирепо зыркнул на стоявших рядом телохранителей, словно готовый прямо сейчас отдать приказ избавиться от этого наглеца.

Однако Чжун Ин лишь вежливо улыбался. Он стоял прямо и с достоинством, ни на секунду не сомневаясь в своей правоте. Его пальцы, небрежно лежавшие на спинке стула, плавно постукивали, будто отмеряя время или подыгрывая затянувшейся паузе.

В кинозале повисла тяжелая тишина. Помощник заколебался, его взгляд скользнул по рукам музыканта. Он явно помнил строжайший приказ Беллу беречь этого исполнителя как зеницу ока, а потому поделаться с ним ничего не мог.

— Желаете посмотреть еще один фильм? — прервал молчание Чжун Ин. — Вдруг я смогу растолковать вам другие помыслы внеземных цивилизаций?

Помощник открыл было рот, но тут же осекся, вспомнив издевательское сравнение с пришельцами. Идея крутить документалки дальше отпала сама собой.

— На этом наша экскурсия окончена. Я отвезу вас обратно в усадьбу! — отрезал он и, злобно зыркнув на Чжоу Цзюньтун, добавил: — Передай директору, что господин Беллу им крайне разочарован.

Впрочем, эти пустые угрозы уже ничего не могли исправить.

Когда они вышли из музея, Чжоу Цзюньтун все еще кусала губы, а ее глаза покраснели от слез. Но она успела взять себя в руки и теперь лишь молча провожала их взглядом, крепко сжимая кулаки. Ли Цзиньцю на прощание махнул ей рукой. Вместе с Чжун Ином они сели в ждавший у дверей автомобиль и тронулись в обратный путь.

Дорога в усадьбу прошла в полном молчании. Чжун Ину совсем не хотелось обсуждать увиденное в музее, а Ли Цзиньцю не испытывал ни малейшего восторга от возвращения в их роскошную камеру. Машина мчалась по шоссе, увозя их назад.

Уже на пороге апартаментов помощник, успевший вернуть себе прежнюю маску холодной вежливости, вкрадчиво уточнил:

— Вы ведь по-прежнему намерены выступить на приеме в честь господина Беллу?

Чжун Ин усмехнулся:

— Разумеется.

Стоило тяжелой двери закрыться за ними, как Ли Цзиньцю накинулся на него с расспросами. В его глазах читалось крайнее изумление.

— С какой стати ты соглашаешься играть для этого типа? — воскликнул он, будто сомневаясь в здравомыслии Чжун Ина. — Ты ведь должен ненавидеть Беллу всей душой! И после всего увиденного ты готов исполнить для него «Золотой перезвон» и поздравить этого мерзавца с днем рождения?

Чжун Ин неторопливо прошел в гостиную. Ему было приятно сознавать, что поездка в музей так разительно изменила взгляды композитора, однако у него самого оставались свои соображения на этот счет.

— Беллу заслуживает презрения, спору нет, — ответил Чжун Ин, устраиваясь на диване и потягиваясь. — Но только если я соглашусь сыграть, «Изящное созвучие» сможет вырваться из душной витрины и почувствовать долгожданную свободу. А уж что именно я исполню — «Золотой перезвон» или любую другую вещь, — дело десятое.

— А вот для меня это важно, — отрезал Ли Цзиньцю.

Он хмуро взглянул на юношу сверху вниз. Его резкие черты лица и суровый разлет бровей сейчас излучали ощутимое давление.

— Я дорожу своей творческой честью, — твердо произнес композитор. — Мою музыку может исполнять кто угодно — искусство принадлежит миру, у него нет границ. Но я не позволю себе писать светлую, благоговейную оду для грабителя и лицемера, которого давно пора предать анафеме. Если я пойду на это, такое малодушие до конца дней останется несмываемым пятном на моей совести.

За несколько дней совместного заточения Чжун Ин успел до конца изучить нрав Ли Цзиньцю. Тот всегда рубил правду-матку в глаза, совершенно не заботясь о приличиях и не боясь кого-то задеть. Эта безрассудная прямота невольно вызывала зависть, и именно она окончательно развеяла тяжелый осадок, оставшийся у Чжун Ина после фальшивого блеска музейных залов.

Юноша снизу вверх посмотрел на своего сокамерника и с любопытством спросил:

— И что же ты предлагаешь? Выступление с «Золотым перезвоном» отменить никто не позволит. Даже если я откажусь выходить на сцену, уверен, Доменико справится с этой партией безупречно.

Эти слова задели композитора за живое.

— Отменить нельзя, но кто мешает нам переписать партитуру? — в глазах Ли Цзиньцю вспыхнул азартный огонек, в нем не осталось и следа уныния. — И уж конечно, я ни за что не

позволю Доменико приложить к этому руку! Ты — стержень всего выступления, вся оркестровая мощь лишь вторит твоей цине. Что ты сыграешь, то и станет истинным звучанием.

Чжун Ин смутно догадывался, к чему он клонит, но поверить не мог, что композитор решится на столь безумную авантюру.

— Я тебя не совсем понимаю, — осторожно произнес он.

— Да чего тут не понимать! — Ли Цзиньцю вызывающе вскинул брови и скрестил руки на груди. — Зачем этому старому хрычу слушать праздничный звон? Пусть сразу слушает свой похоронный набат!

До торжественного приема оставалось два дня. Поскольку экскурсии в музей для них закончились, узники коротали время в своей гостиной, предаваясь игре на «беззвучной лютне».

— Мне нужен вот такой мотив, — Ли Цзиньцю устроился на диване и негромко напел мелодию, пытаясь воспроизвести в вокале переливы древнего инструмента.

Чжун Ин, сидевший рядом со скрещенными ногами, понимающе кивнул. Его тонкие пальцы взмыли в воздух, в точности повторяя сложные приемы игры: зацепы, скольжения и вибрато.

Хотя композитор ничего не смыслил в традиционной китайской табулатуре, воображение легко дорисовывало то тоскливый, то яростный трепет невидимых струн. Чжун Ин действительно оказался гением: уловить крупницы гармонии в его фальшивом напеве и превратить их в благородное созвучие — это граничило с чудом. Ли Цзиньцю напрочь забыл, как еще вчера кривился от этого «театра пантомимы». Теперь он чувствовал себя великим поэтом Тао Юаньминем, который держал дома инструмент без единой струны и верил, что истинной музыке не нужны внешние посредники. Коль в душе звучит напев, пальцы сами найдут нужный лад.

Мелодии, бушевавшие в голове композитора, благодаря виртуозной мимикрии Чжун Ина обретали плоть в стенах этой роскошной темницы. Музыка, дарившая ему жизнь, наконец вернулась. Душевное смятение, злость и тоска рассеивались, стоило лишь понаблюдать за тем, с каким сосредоточенным видом юноша зажимал и отпускал воображаемые струны. У Чжун Ина определенно был редкий дар возвращать ему покой и вдохновение.

Когда импровизированный набросок подошел к концу, Чжун Ин замер, мысленно фиксируя каждую ноту и каждый переход. Он запечатлел этот мотив в памяти, хоть и сомневался, придется ли он по душе Ли Цзиньцю, когда прозвучит вживую.

Но композитора технические тонкости сейчас волновали меньше всего. Главное — лишить «Золотой перезвон» приторной праздничности, превратить его во что-то грозное, суровое и беспощадное.

Так, работая в тандеме — один напевал и дирижировал, другой переводил это на безмолвный язык жестов, — они полностью перекроили сольную партию. Ли Цзиньцю заранее предвкушал этот триумф: нежный, умиротворяющий оркестровый строй в си-бемоль мажоре внезапно столкнется в яростной схватке с мрачным, трагическим до-минором солирующей циней. Это будет настоящая битва света и тьмы.

Когда обновленный вариант «Золотого перезвона» обрел свои окончательные очертания, довольный композитор спросил:

— А что ты планируешь делать в сольной каденции? Та изящная зарисовка «Сухая ветвь встречается весну», которую ты играл раньше, сюда точно не впишется.

— Да, прежний образ увядшего дерева, возвращенного к жизни весенним теплом, здесь прозвучит нелепо, — согласился Чжун Ин. Он ненадолго задумался. — Я мог бы положиться на вдохновение и симпровизировать прямо на сцене. Но есть одно произведение, которое я разучивал годами и всегда мечтал исполнить именно на «Изящном созвучии».

— И что же это? — глаза Ли Цзиньцю загорелись любопытством.

Чжун Ин тихонько постучал пальцами по кожаному подлокотнику.

— «Сражение к югу от городских стен». Та самая пьеса, с которой господин Шэнь выступал на благотворительных концертах во время войны.

Ли Цзиньцю ничего не знал об Императорской музыкальной палате, но само название отозвалось в его сердце суровым величием. Возможно, дело было в благородном порыве мастера Шэня, собиравшего деньги для фронта, а возможно — в самом имени композиции, от которого веяло звоном мечей и свистом стрел.

— О чем она рассказывает? — спросил композитор.

— Это реквием по павшим на поле боя. Горький плач о трагедии войны и невыносимых страданиях, — ответил Чжун Ин.

Он негромко зачитал строки древнего памятника. Ли Цзиньцю слушал затаив дыхание. Образы старинной китайской лирики сильно отличались от современных поэтических стандартов, и воспринимать их на слух было непросто, но сквозь пелену веков все равно проступал ужас кровопролитных сражений.

Заметив замешательство на лице товарища, Чжун Ин пояснил:

— В оригинальном тексте есть страшная картина: павший воин обращается к воронам, моля их склевать его остывающее тело и издать вместо него предсмертный крик. В древности эта ода воспевала слепую преданность государю, но мастер Шэнь переосмыслил ее, вложив в музыку всю свою боль и ярость из-за происходящего на фронте.

Юноша сделал паузу, его взгляд потемнел.

— То была подлая, захватническая война со стороны японцев, а наш народ вел священную битву за выживание. Силы были неравны. Защитники родины гибли в муках, их некому было предать земле. Лишь стаи воронья, терзавшие мертвую плоть, оглашали окрестности хриплым плачем, обвиняя карателей в бесчеловечности.

Ли Цзиньцю не знал тонкостей восточной поэзии, но он прекрасно понимал душу художника. Из короткого рассказа Чжун Ина перед его мысленным взором мгновенно вырос образ человека в строгом традиционном халате, склонившегося над струнами и оплакивающего погибших героев.

— Мастер Шэнь был настоящим праведником, — убежденно произнес он.

Чжун Ин грустно улыбнулся и, продолжая перебирать невидимые струны, негромко поправил его:

— Он не был мучеником в привычном смысле. Скорее, человеком чести и долга. Даже когда он безвылазно сидел в кабинете, пытаясь расшифровать древние манускрипты Императорской музыкальной палаты, его мысли неизменно уносились на передовую. Он жил новостями с фронта и неустанно молился о судьбе Китая.

Чжун Ин вспомнил дневники Шэнь Линя. Те пожелтевшие страницы хранили не только сухие теоретические выкладки, но и крик страдавшей души. Ликование при редких победах, черная скорбь при отступлениях. Именно в этом горниле непрекращающегося кошмара мастер Шэнь постиг сокровенную суть древнего наследия и осознал истинное предназначение созданного им Общества изящных созвучий минувшего.

— Когда мастер Шэнь призвал членов Общества дать первый благотворительный концерт, многие музыканты, будучи перфекционистами, сомневались, — продолжил Чжун Ин. — Они боялись выходить к публике без долгих репетиций, чтобы не осквернить память предков несовершенным исполнением. Но мастер Шэнь возразил им: «Страна исходит кровью. Если мы промолчим сейчас, кто поручится, что завтра мы вообще будем живы и сможем продолжить наши изыскания? Лучше заговорить сегодня, заявить о себе во весь голос и встретить смерть без сожалений».

Вспоминая скупые строки из дневника Шэнь Линя, Чжун Ин кожей чувствовал все сомнения и

страхи тех людей. Даже сам мастер накануне того выступления трясущейся рукой записал:

"Если завтра случится провал, вся вина падет на меня. Верю лишь, что духи великих предков увидят чистоту наших помыслов и помогут донести истинное звучание до сердец людей"

Они были обычными интеллектуалами, не способными держать в руках оружие, но отнюдь не были трусами. На том первом концерте в тысяча девятьсот тридцать седьмом году тринадцатиструнный чжу так и не прозвучал — музыканты не успели полностью освоить его, поэтому восстановить древнюю гармонию в полной мере не удалось. И все же они смогли собрать колоссальные средства и дефицитные припасы для отправки на фронт, что укрепило веру жителей приозерного края в неизбежную победу. После этого выступления Общества стали регулярными, собирая богатейших меценатов со всей страны. И этот благородный призыв не смолкал вплоть до того дня, пока озеро Цинлин не захватили враги.

Ли Цзиньцю молчал, чувствуя, как от этого рассказа тяжело и тревожно защемило в груди. Искусство и война, творчество и рок сплелись в неразрывный узел. Решение мастера Шэня отказаться от выступлений перед японским командованием предопределило гибель всего Общества, и от осознания этой трагедии становилось трудно дышать.

— Но почему они просто не сыграли для них? — спросил Ли Цзиньцю. Его юношеский максимализм и вера в силу искусства требовали иного исхода. — Музыка могла бы стать их оружием! Они могли бы швырнуть в лицо палачам всю их низость и жестокость, заставить захватчиков сгореть от стыда прямо в зрительном зале!

— Твои слова звучат красиво, и тогда находились те, кто думал так же, — мягко ответил Чжун Ин. — Но законы войны беспощадны, их нельзя мерить мерками мирного времени. Представь: на передовой не жалея жизней гибнут наши солдаты, а в это время в тылу, на залитой кровью земле, которую они защищали, музыканты развлекают врага...

Юноша невесело усмехнулся.

— Если бы весть об этом разнеслась по стране, никто бы не разглядел в их выступлении тайный протест. Все увидели бы лишь позорную капитуляцию перед агрессором.

Чжун Ин прекрасно понимал возвышенную веру в способность искусства пробуждать сердца. Но японская армия не была спящим исполином — то были безжалостные убийцы, умывшиеся кровью мирных жителей. Повсюду, где ступала их нога, оставались лишь пепелища да рвы, забитые телами безвинно замученных братьев и сестер. Ни один, даже самый отрешенный от мирской суеты мастер цини не смог бы заставить себя играть для этих палачей. И неважно, сколько ненависти и проклятий таилось бы в струнах — марать свое искусство о руки убийц они не желали.

Юноша тихо вздохнул и вновь коснулся обивки дивана, будто репетируя новые, тревожные ноты «Золотого перезвона» или изливая душу через беззвучный инструмент.

— Даже когда мастер Шэнь вышел из тюрьмы, бывшие друзья советовали ему уступить требованиям японского командования. Обещали, что тогда его ждет почет и слава как на родине, так и в Японии. Но он наотрез отказался. Он без колебаний выставлял за дверь любого, кто заговаривал об этом, невзирая на былые заслуги и старую дружбу. Он ненавидел палачей, но еще сильнее презирал тех, кто пресмыкался перед ними и предавал свой народ.

Разговор принимал слишком мрачный оборот. Хотя Ли Цзиньцю не слишком хорошо ориентировался в деталях чужой истории, трагизм тех событий задел самые глубокие струны его души. Ему хотелось сказать слова поддержки, но, глядя на сосредоточенное лицо Чжун Ина, он понял, что тот с детства сжился с этим наследием и не нуждается в банальном сочувствии.

Тогда композитор решил сменить тему и уверенно пообещал:

— Не переживай. На концерте играй так, как велит сердце. Если что-то пойдет не так, я прикрою.

Композитор держался так самоуверенно, словно они не делили сейчас на двоих статус почетных пленников.

Чжун Ин замер и с сомнением посмотрел на него:

— И откуда в тебе столько уверенности?

Ли Цзиньцю хитро прищурился:

— Все просто. Я велел сестре отыскать Доменико. Она наверняка сможет выйти на мастера Фаня или напрямую обратиться в посольство с заявлением, что Беллу держат нас под замком!

Чжун Ин изумленно захлопал глазами. Там, в музее, он и сам думал попросить Чжоу Цзюньтун связаться со своим наставником, но в последний момент передумал. Помощник Беллу вел себя слишком агрессивно — он вполне мог забрать девушку с собой, и тогда в их уединенной обители появился бы еще один товарищ по несчастью.

— Но когда ты успел ей это сообщить? — полюбопытствовал Чжун Ин.

— В музее Беллу на каждом шагу разложены бланки для отзывов, — ухмыльнулся Ли Цзиньцю.
— Я прихватил один листок вместе с ручкой, быстро набросал записку и сунул ей в руки.

Чжун Ин опешил. На протяжении всей экскурсии он бдительно следил за обстановкой и, конечно, видел эти бланки. Но чтобы Ли Цзиньцю умудрился написать и передать послание прямо под носом у охраны — в это верилось с трудом. Как он сам ничего не заметил?

Заметив его недоумение, Ли Цзиньцю самодовольно усмехнулся. Он протянул левую руку к вазе на кофейном столике и небрежно отломил сухой декоративный цветок. Плотный лист и длинный жесткий стебель послужили ему наглядным пособием.

Он слегка развернул корпус, пряча левую ладонь за спину, а правой рукой создал едва заметную ширму, показывая, как можно писать практически вслепую одной рукой. Высохший бутон слабо колыбался в его пальцах; не приглядываясь пристально, разгадать эти хитрые манипуляции было невозможно. Ловкость рук заслуживала шпионского романа.

Завершив демонстрацию, Ли Цзиньцю протянул листок с цветком Чжун Ину.

— Пальцы композитора куда послушнее и проворнее, чем тебе кажется, — с гордостью заявил он.

Чжун Ин принял импровизированное письмо, бережно расправил исчерченный едва заметными царапинами лист и спросил:

— И... твоя сестра действительно способна разобрать эти каракули?

— Еще бы! — Ли Цзиньцю, обычно не упускавший случая подколоть Чжоу Цзюньтун, на этот раз отозвался о ней с явным уважением. — Мы выросли вместе. Она девчонка сообразительная. Если бы она не понимала мой почерк, грош ей была бы цена.

Она во всем хороша, вот только обделил ее бог талантом. Восемнадцать лет терзала пианино и скрипку, но так ничего и не добилась. Приехав в Италию, она вовремя сменила курс и ушла в реставрацию старинных ценностей — пожалуй, это было самым мудрым решением в ее жизни.

Чжун Ин почувствовал в его словах привычное пренебрежение к бездарности и мягко возразил:

— Владение инструментом зависит не только от врожденного дара.

— Тебе не понять, — упрямо покачал головой Ли Цзиньцю. — В нашей семье заведено так: если у тебя нет искры божьей, лучше вообще не прикасаться к музыке. Так жизнь сложится куда счастливее. Но хватит о ней, наше дело — ждать подмоги. — Он не хотел развивать эту тему и поспешил вернуться к главному: — Сыграй мне «Сражение к югу от городских стен». Очень хочу послушать.

Разумеется, каждый шаг невольных гостей усадьбы незамедлительно становился известен Гаррисону Беллу.

Осведомители докладывали, что после посещения музея Чжун Ин проникся величием экспозиции и полностью переменял свое решение. Сообщали, что Ли Цзиньцю действительно нашел к нему подход: молодые люди целыми днями обсуждают музыку, а за завтраком, обедом и ужином только и делают, что репетируют «Золотой перезвон».

Беллу был безмерно счастлив. Накануне торжества он буквально светился от предвкушения.

Утром в день своего девяностосемилетия старик облачился в изящный праздничный костюм, украсив лацкан итальянской маргариткой. Устроившись в кресле-каталке у самых дверей, он с нетерпением поджидал, когда Чжун Ин и Ли Цзиньцю покинут свои комнаты.

Продержанные под замком трое суток музыканты при виде хозяина дома обменялись красноречивыми взглядами.

Но Беллу, не замечая этого, расплылся в благодушной улыбке:

— Благодарю вас за то, что вняли голосу разума и согласились украсить мой праздник своим искусством.

Чжун Ин скользнул понимающим взглядом по лицу стоявшего рядом помощника. Не нужно было гадать, какую слащавую ложь тот преподнес своему патрону.

На миг юноше даже стало жаль Беллу. Окруженный льстецами старик жил в мире иллюзий, где любые жесткие слова искажались и превращались в комплименты ради его минутного спокойствия. Впрочем, это уже не имело значения. Очень скоро Чжун Ин заговорит на языке, который не поддается фальсификации, и напрямую поведаст Беллу о том, что у него на душе. Музыку невозможно переиначить в угоду чужим прихотям.

Чжун Ин вежливо кивнул, проявляя уважение к почтенному возрасту старца.

— Слушайте внимательно сегодня вечером, господин Беллу, — тихо произнес он. — Этот перезвон десятиструнного «Изящного созвучия» посвящен вам и памяти мастера Шэня.

Сердце старика забилося чаще. По пути из празднично украшенного поместья в величественное здание Музыкального театра Флоренции это волнение лишь нарастало. Сейчас он чувствовал себя гораздо счастливее, чем в день открытия своего музея или в моменты, когда пресса превозносила его меценатские заслуги.

С его лица не сходила блаженная улыбка. Зал Роз утопал в пышных бутонах и нежных маргаритках — любимых цветах итальянцев.

Доменико преподнес ему скромный букет белых цветов и бережно поправил съехавшую бабочку на шее юбиляра.

— С праздником, мой старый друг.

Беллу бережно сжал стебли. Маргаритки всегда были его любимыми цветами. На языке флористики они означали «любовь, сокрытую в глубине сердца» — именно то чувство, что он всю жизнь питал к Шэнь Линю.

Доменико долго говорил о пустяках, пока наконец не завел речь о Чжун Ине, который сейчас настраивался за кулисами.

— Это самый одаренный исполнитель на цине из всех, кого я встречал, — негромко произнес пианист. — Если сегодняшнее выступление придется тебе по душе, могу я попросить об одной услуге?

Старик посмотрел на него затуманенным взором, терпеливо ожидая продолжения.

Доменико глубоко вздохнул, собираясь с духом:

— Отдай ему ту копию десятиструнной лютни. Позволь ему увезти ее обратно в Китай.

— Исключено, — отрезал Беллу. Каким бы благодушным ни было его настроение, во всем, что касалось «Изящного созвучия», он оставался непреклонен.

Он резко схватил за руку человека, с которым дружил без малого сорок лет, и в его приглушенном голосе зазвучала сталь:

— Доми, неужели ты решил предать меня? Тебя тоже окрутили эти китайцы? Ты тоже считаешь, будто все мои поступки были ошибкой?

— Гаррисон... — Доменико крайне редко обращался к нему по имени и теперь не собирался скрывать своего сочувствия к Чжун Ину. — Тогда ответь мне честно: как эта лютня и письма, что висят у тебя в кабинете, вообще оказались в твоих руках?

Беллу разжал пальцы и отвернулся, пряча глаза.

Пожилой пианист со вздохом покачал головой:

— Даже если ты боготворишь эту музыку, зачем тебе этот инструмент? Шэнь Линя давно уже нет в живых.

— Он здесь, — упрямо возразил девяностосемилетний старик, выказывая почти детское упорство. — Очень скоро я снова его увижу.

Место в первом ряду Зала Роз обеспечивало Гаррисону Беллу великолепный обзор украшенной цветами сцены. Это был не строгий академический концерт, а светский вечер в честь его юбилея. Высокопоставленные чиновники, крупные промышленники, родственники и многочисленные друзья нескончаемой вереницей подходили выразить почтение. Коридоры ломились от подарочных корзин, а репортеры слепили вспышками камер, стремясь запечатлеть улыбку известного филантропа.

Однако самого виновника торжества интересовала лишь одна вещь — «Золотой перезвон».

Концерт для оркестра с участием десятиструнного «Изящного созвучия» был его заветной мечтой. Кто бы ни заговаривал с ним, старик лишь рассеянно кивал, не в силах отвлечься от ожидания. Все его мысли без остатка принадлежали сцене, где уже рассаживались музыканты, дирижеру Памеле и заветной партитуре, которую он так долго ждал.

Памела взмахнула палочкой, предвеля выступление теплыми словами поздравления от лица оркестра и всего театра. Но юбиляр, широко раскрыв затуманенные глаза, упрямо всматривался в кулисы и то и дело дергал за рукав своего помощника:

— Где Чжун Ин? Где моя лютня? Почему они до сих пор не выходят?

Свет в зале медленно погас. Оркестранты замерли на своих местах. Лишь в самом центре сцены, залитый мягким лучом прожектора, одиноко высился лакированный стол, дожидаясь главного участника действия.

Зал взорвался аплодисментами, когда из-за кулис показался стройный высокий юноша. Бережно прижимая к груди уникальный древний инструмент, он медленным, размеренным шагом направился к своему месту, даже не взглянув в сторону почетного ложа великого мецената.

Но Беллу не мог оторвать от него глаз.

Молодой музыкант был облачен в традиционный китайский халат — благородный покрой с косым воротом на пуговицах-узелках, длинные, плавно колышущиеся полы нежного лунно-голубого оттенка, неподвластного бегу времени. Казалось, будто юный восемнадцатилетний друг из далекого туманного прошлого сумел преодолеть вязкую толщу десятилетий и явился сюда, чтобы поздравить его.

У Беллу перехватило дыхание, а к глазам подступили горячие слезы.

В этот миг перед ним стоял не строптивый и дерзкий Чжун Ин. Старик видел лишь того, кого так отчаянно жаждал вернуть всю свою жизнь. Своего единственного истинного друга.

— Шэнь Лин... — беззвучно сорвалось с его сухих губ.

<http://bllate.org/book/20108/1998744>